

Содержание

Захар Корнилов. Священное пространство в повествованиях о монастырях: <i>Саров и Дивеево</i>	217
Ульяна Буранкова. Повесть «О Василии Великом, как крестил еврея» в составе «Сводного патерика»	233
Варвара Золотарева, Артем Трофимов. Экзотическая палеонтология XVIII века: <i>В. Н. Татищев и мамонты</i>	241
Андрей Петров. «Возобновить золотой век радостей во граде»: <i>Время в ранних трагедиях А. П. Сумарокова</i>	252
Алина Шиян. «Некомическая» комическая опера: <i>к постановке проблемы</i>	274
Максим Щавлинский. Между Н. Н. Златовратским и Г. И. Успенским: <i>раннее творчество И. А. Бунина и народническая литература</i>	298
Александр Жолковский. О трех маленьких секретах <i>знаменитой «Федры»</i> Мандельштама	316
Роман Тименчик. Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: <i>Георгий Адамович</i>	346
Виктория Боденчук. Мотивы поэзии Серебряного века в рассказе пролетарского писателя Сен. Дерихина	394
Марта Капосседа. Виктор Шкловский — сценарист. <i>Предварительные заметки о сценарии «Мёртвый дом» (1932)</i>	415
Никита Косьяненко. «Ревела буря...»: <i>о некоторых лейтмотивах комедии Н. Р. Эрдмана «Самоубийца»</i>	426
Алена Кораблева. Кино в мотивной структуре лирики Алексея Цветкова	441
Эмилия Шпак. Прогностическая функция вставного текста в романах Г. Ш. Яхиной	456
Указатель имен	470
Содержание девятнадцатого тома	484

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),
С. К. Коломийцева, А. С. Пахомова

Адрес редакции

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2023 XIX (3–4)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2023 (3–4)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки,
Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77–63498 от 1 октября 2015 года
Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186
ISSN 2587-8190 = Letná škola

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на со-
искание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук по специальностям 5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
с 01.02.2022 г. и 5.9.1. Русская литература (филологические науки) с 20.12.2022 г.

Фото на обложке Екатерины Бухановой

© Авторы статей, 2023
© «Летняя школа по русской литературе», 2023

Contents

Zakhar Kornilov. Sacred Space in Stories About Monasteries: <i>Sarov and Diveevo</i>	217
Ul'iana Burankova. The Story «About Basil the Great, how he Baptized a Jew» as Part of the «Consolidated Patericon»	233
Varvara Zolotaryova, Artyom Trofimov. Exotic Paleontology of the XVIIIth Century: <i>V. N. Tatischev and Mammoths</i>	241
Andrey Petrov. «To Renew the Golden Age of Joy in the City»: <i>Time in the Early Tragedies of A. P. Sumarokov</i>	252
Alina Shiyan. «Non-Comic» Comic Opera: <i>Towards the Formulation of the Problem</i>	274
Maksim Shavlinsky. Between N. N. Zlatovratskii and G. I. Uspenskii: <i>Early Work of I. A. Bunin and the Narodnik (Peasant-oriented) Literature</i>	298
Alexander Zholkovsky. Three Minor Secrets of Mandelstam's <i>Famous "Phaedra"</i>	316
Roman Timenchik. Towards the Index of Anna Akhmatova's Notebooks: <i>Georgii Adamovich</i>	346
Victoria Bodenchuk. Motives of Poetry of the Silver Age in the Story of the Proletarian Writer Sen. Derikhin	394
Marta Capossela. Viktor Shklovsky as a Screenwriter. <i>Preliminary Notes on the Script «Mertvyj Dom» (1932)</i>	415
Nikita Kosyanenko. «The storm roared...»: <i>About Some Leitmotifs of N. R. Erdman's Comedy «Suicide»</i>	426
Alena Korableva. Cinema in the Motif Structure of Poetry by Alexei Tsvetkov	441
Emilia Shpak. The Predictive Function of the Inserted Text in the Novels of G. Sh. Yakhina	456
Index	470
Content of the volume	484

Editorial Board

Alexander Kobrinsky (Chief Editor),
Sophia Kolomiitseva, Aleksandra Pakhomova

Editorial address

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50.
E-mail: summerschool@list.ru

ЭМИЛИЯ ШПАК
(Челябинск)

ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ВСТАВНОГО ТЕКСТА В РОМАНАХ Г. Ш. ЯХИНОЙ

В статье рассматривается роль текста в тексте в романах Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», «Дети мои», «Эшелон на Самарканд». За счет установления связи между основным и вставным текстом (сказками и колыбельной песней) на сюжетно-мотивном, образном уровнях и на уровне хронотопа делается вывод о прогностическом потенциале сказки о Семруге (в романе «Зулейха открывает глаза»), сказок Я. Баха (в «Детях моих») и песни «Спи, мой мальчик...» (в «Эшелоне на Самарканд»).

Ключевые слова: Г. Ш. Яхина, вставной текст, основной текст, сказка, колыбельная песня.

Информация об авторе: Шпак Эмилия Романовна, студент Челябинского государственного университета. Челябинск, Россия.

E-mail: mila_shpak@bk.ru

The Predictive Function of the Inserted Text in the Novels of G. Sh. Yakhina

The article examines the role of text within text in G. Yakhina's novels "Zuleikha opens her eyes", "My Children", "Echelon to Samarkand". By establishing a connection between the main and the inserted text (fairy tales and a lullaby) at the plot-motive, figurative levels and in terms of chronotope, a conclusion is made about the prognostic potential of the fairy tale about the Family (in the novel "Zuleikha opens her eyes"), the tales of J. Bach (in "My Children") and the song "Sleep, my boy..." (in "Echelon to Samarkand").

Keywords: G. Sh. Yakhina, insert text, main text, fairy tale, lullaby.

About the author: Emilia Romanovna Shpak, a student of Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia.

E-mail: mila_shpak@bk.ru

DOI 10.48612/sum-2023-19-3-4-456-469

Особенностью романов Г. Ш. Яхиной является наличие вставных текстов. На наш взгляд, текст в тексте в романах «Зулейха открывает глаза»¹, «Дети мои»² и «Эшелон на Самарканд»³ имеет концептуальное значение, а потому их исследование представляет особый интерес. При этом следует отметить недостаточную степень разработанности проблемы роли вставных текстов в творчестве Яхиной: внимание ученых обращено на произведения в целом, а не на вставные сказки (в романах «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои») и колыбельную песню (в «Эшелоне на Самарканд»).

На наш взгляд, рассмотрение вставного текста в контексте романа, во-первых, помогает сделать вывод об особенностях включения фольклора в тексты современной прозы, во-вторых, позволяет сформировать представление о тенденциях текущего литературного процесса, в-третьих, способствует выработке принципов изучения «текста в тексте».

Вслед за А. М. Геращенко понятие «текст в тексте», или «вставной текст», понимается нами как «текст, включенный в повествование, но отличающийся от него по сюжету», а также по ряду других показателей, а именно в плане авторства и языка изложения.⁴

Для выделения «текста в тексте» автор использует сегментацию романного текста и применяет курсивное начертание, отличное от основного. Такой прием выдвижения композиционной единицы позволяет писателю видоизменить смысловые ракурсы сопологаемых компонентов, тем самым активизируя внимание читателя на выделенных «смыслах» текста.⁵

Следует, однако, отметить, что в романе «Зулейха...» текст выделяется иначе: ему дается название (I, 399).⁶ В остальных

¹ Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза. М., 2020.

² Яхина Г. Ш. Дети мои. М., 2018.

³ Яхина Г. Ш. Эшелон на Самарканд. М., 2022.

⁴ Геращенко А. М. Вставные тексты в британской и американской литературе XIX–XX веков // Филология и человек. 2009. № 2. С. 168.

⁵ Никольина Н. А. Композиция произведения. Архитектоника текста // Никольина Н. А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М., 2003. С. 48.

⁶ Здесь и далее текст приводится с указанием его номера (I — «Зулейха открывает глаза», II — «Дети мои», III — «Эшелон на Самарканд») и страницы.

случаях предлагаем при обозначении текстов использовать объект изображения (напр., сказка о Деве-Узнице (II, 205–211)) или первые строки лирического текста («Спи, мой мальчик...» (III, 55)), но необходимо помнить об условности такого разделения.

Обозначим еще одну закономерность в расположении вставных текстов. Если в первом романе вставная сказка о Семруге дается практически без разрывов, целиком, то в следующих книгах Яхина включает текст в тексте фрагментарно. В «Детях моих» сказочный текст разделяется собственно романским повествованием небольшого размера, а в «Эшелоне...» текст колыбельной «Спи, мой мальчик...» представлен в разных частях романа: «Пять сотен», «Вдвоем» и «Чертова дюжина» (III, 55, 128–129, 267–268 соответственно).

Такая архитектоника позволяет сопоставить вставные сказки и песню с основным текстом: сказку о птице Семруг — с историей переселенцев; «Сказку о Деве-Узнице» — с судьбой Баха и Клары; позднюю прозу Баха — с жизнью гнадентальцев; колыбельную «Спи, мой мальчик...» — с путешествием Деева, Буга и детей-сирот в Самарканд. Учитывая законченный характер «текста в тексте», можно, опираясь на его известный финал, предположить, какой будет развязка соответствующего романа.

Ключевая особенность обозначенной рамочной композиции — наличие конкретных субъектов сознания в основном и вставном повествовании. Яхина «передоверяет» авторство текстов вымышленным героям: Зулейхе — сказку о Семруге, Баху — 100 сказок, Фатиме — песню. Так, два нарратива в каждом романе оказываются связаны центральным образом рассказчика. Примечательно, что слушателями «озвученных» текстов также становятся персонажи основного текста: сын Зулейхи Юзуф (в «Зулейхе...»), «дети» Баха Анче и Васька и другие жители Гнаденталья (в «Детях моих»), а также пассажиры поезда-«гирлянды» (Деев, Буг и дети) в «Эшелоне...» соответственно.

Прогностический же смысл «текста в тексте» раскрывается при установлении менее очевидных параллелей, межтекстовых переключек, в частности на уровне сюжетно-мотивной

организации и образной системы. Рассмотрим в данных аспектах каждый роман.

Так, в первом романе Яхиной (2015) судьба сказочных тридцати птиц сопоставима с судьбой тридцати «романных» переселенцев, в числе которых оказывается рассказчица Зулейха с сыном Юзуфом.

Композиция романа (части «Мокрая курица», «Куда?», «Жить» и «Возвращение») условно соотносится со сказочным сюжетом, а именно с основными его элементами. Точкой отсчета в сказке оказывается спор самых различных птиц — в романе же это культурно-идеологический конфликт: столкновение татарской автономности и советской пропаганды. Долгие странствия птиц в семи волшебных Долинах напоминают миграцию Зулейхи, Игнатова, Лейбе, Иконникова и др. из Татарстана в Сибирь. Достижение цели путешествия (чертогов Семруга и берега Ангары), несмотря на многочисленные трудности, становится высшей точкой в развитии действия. После наступает развязка: птицы находят истину, «свет» в самих себе и друг в друге, как и герои романа понимают важность каждого и одновременно единства всех для выживания в забытом «даже Аллахом» поселке Семрук.

Очевидная параллель между названием сибирского поселка и именем заглавного сказочного героя имеет особое значение. Отметим не только графическое сходство лексем, но и их одинаковость в словообразовательном плане. Оба имени собственных образованы путем сложения основ: имя Семруг — от персидского выражения *si morgh* («тридцать птиц»), топоним Семрук — от словосочетания «семь рук» (мягкий знак утерян из-за опечатки машинистки).

Заметим явное тождество основного и вставного текстов на уровне системы образов. И в «легенде» о Семруге, как называют сказку раскулаченные (I, 401), и в истории о Зулейхе к концу пути в живых остаются только тридцать героев: «тридцать самых стойких» (I, 402) и двадцать девять «антисоветских элементов» (I, 243) во главе с комендантом Игнатовым соответственно.

Так, ключевыми в «фольклорном» и в основном текстах предстают мотивы пути, преодоления препятствий, исканий,

утраты и перерождения (прозрения). Можно сказать, что сюжет в обоих произведениях представляет собой инициацию, заключающуюся в приобщении героев к «истине», мудрости, «свету».

В «Детях моих» автор описывает «сказкотворчество» центрального персонажа Якоба Ивановича Баха, немецкого колониста и учителя, в том числе указывает «источники» художественных текстов. Оказывается, Бах черпает материал из окружающей его действительности. Этот факт положен в основу установления параллелей между реальным и вымышленным мирами. Так, система образов первого произведения — «Сказки о Деве-Узнице» — отражает «расстановку» персонажей в романе:

1) дочь короля, заглавная героиня, имеет аллюзии к образу Клары, король — к отцу девушки Удо Гримму, любимый учитель — к самому шульмейстеру Баху;

2) служанка-пряха, второстепенная героиня, напоминает нянюшку Тильду (на это указывает характерная для старухи деталь — веретено);

3) хозяин яблоневого сада и городская толпа (эпизодические герои) основываются на жителях немецкого поселения.

Мотивы преодоления препятствий и вечной любви, наиболее значимые в сюжетной линии Клары и Баха, переносятся в сказку с одной целью: воплотить в реальность мечту девушки о счастливой семейной жизни. Именно поэтому героем «писателем» выбирается жанр волшебной сказки: здесь Бах превращается в прекрасного принца, который, несмотря на жизненные трудности (разлуку с любимой вследствие изгнания из королевства, наличие соперника — принца из соседней державы, названного жениха Девы), воссоединяется с возлюбленной. Примечательно, что героиня романа, робкая и незащищенная, в сказке предстает смелой и сильной девушкой, способной достойно выдержать семилетнее заточение в башне, долгие скитания без поддержки отца, а также победить в споре с королем (что противопоставлено полному поражению Клары в романе).

По верному замечанию О. А. Лисенковой, в тексте находит отражение следующая универсальная мифологема — «со-

чиненные истории как самосбывающиеся пророчества».¹ Особенно это заметно при обращении к поздней сказочной прозе Я. Баха, которая, по словам Н. Ломыкиной, «оживает в декорациях 1920-х и 1930-х годов».² Ограниченный набор мотивов, обозначенный нами в другой статье,³ используется в тексте в соответствии с определенным запросом общества: изобразить исключительно богатый урожай (предполагается, что в реальности это отразится на росте овощей и фруктов), описать «ливни, реки и подводные царства» (а значит, предсказать незасушливый сезон) или показать счастье и благоденствие, которое обязательно наступит (II, 250).

Закономерное существование межтекстовых связей на уровне образной системы. Так, за образом жадного великана, короля-чревоугодника и хвастливого ландграфа скрывается фигура Удо Гримма, за образом сварливой жены — фигура Арбузной Эми. В образе вредной ведьмы или бранчливой пряхи угадываются черты старухи Тильды. Примечательно выделение нарратором в отдельную группу рассказов о простых людях — ткачах, сапожниках, рыбаках, крестьянах, старых и молодых солдатах — с участием представителей правящего класса: королей, баронов и ландграфов (II, 240). Все перечисленные герои, безусловно, вбирают в себя черты жителей Гнаденталя.

Наиболее показательным «самосбывающимся пророчеством» оказывается «История барабанщика» (II, 239), сотая сказка, со дня создания которой начинают происходить «совпадения» реальности и вымысла. Так, сказочный персонаж, отмыкая дверь, ведущую в Стекланную гору, вместо ключа вставляет в замочную скважину мизинец — там он и остается.

¹ Лисенкова О. А. Мифическое и профанное время в романе «Дети мои» Гузели Яхиной // Парадигмы культурной памяти и константы национальной идентичности : колл. монография. 2020. С. 393.

² Ломыкина Н. «Дети мои» Гузель Яхиной и немецкие сказки // Рамблер : сайт. См.: <https://kino.rambler.ru/other/39790004-dnevnik-chitatelya-deti-moi-guzel-yahinoy-i-nemetskie-skazki/> (дата обращения 12.02.2021).

³ Шпак Э. Р. Идеино-художественное своеобразие сказок в романе Гузель Яхиной «Дети мои» // Гуманитарные исследования молодых ученых Южного Урала: Научный ежегодник по мат. конф. 2023. Вып. 6. С. 100–103.

Реальный барабанщик, который, следуя пионерскому долгу, осуществляет контроль за работой тракторного механика, также повреждает правую ладонь: по наблюдениям Якоба Баха, «пальцы на руке не то отсутствовали, не то были изранены» (II, 285).

Итак, прогностическая функция указанных фрагментов имеет особый характер: она установлена самим создателем сказок и использована в решении «прикладной» задачи — улучшить действительность. Как отмечает О. В. Мешкова, «мистическая партиципация, угадываемое Бахом сопричастие слова физическому миру, мотивирует шульмейстера на исправление социума посредством сказок». ¹ Наибольшую сложность при интертекстуальном анализе представляют вследствие своей отрывочности и незавершенности последние сказки шульмейстера, опубликованные с заметной правкой комиссара Гофмана, — по определению автора, «бессвязные куски описаний», или «другое» (II, 296).

Ключевыми в последних текстах Баха становятся мотивы спасения, любви, пути, встречи и благополучия.

В построении образной системы также наблюдается тенденция к упрощению и примитивизации: в сказках отсутствуют отрицательные персонажи, а положительные герои обезличены. Так, изображаются дева, ее спаситель («он»), бедный поэт с женой, честные люди, которые в финале обязательно обретают счастье: «и счастливы люди <...> и счастливы звери <...> счастливы гномы и великаны <...> все счастливы» (II, 301).

Так, сюжетно-мотивная организация и система образов последних сказок Баха, хотя и носят отрывочный и отвлеченный характер, все же сопоставимы с соответствующими уровнями основного текста: прототипами сказочных образов оказываются Клара и Бах, а также другие жители немецкой колонии, а основу мельчайших повествовательных единиц составляют желаемые «действия», ассоциирующиеся у автора со счастьем.

¹ Мешкова О. В. Сказка vs действительность в повести Ч. Айтматова «Белый пароход» и в романе Г. Яхиной «Дети мои» // Вестник гуманитарного образования. 2022. № 1 (25). С. 130–139. С. 135.

Как и в предыдущем романе, в «красном истерне»¹ инкорпорирование вставного текста приводит к включению напутствия героям произведения (а шире — читателям «Эшелона...»). Выраженный в колыбельной песне формулой-командой «спи и просыпайся мужчиной» (III, 55, 129, 268) императив обращен не только к названному в лирическом тексте Искандеру, но и к «романным» героям: детям-сиротам, начальнику эшелона Дееву, фельдшеру Бугу. Мотив преодоления препятствий и мотив становления мужчиной, организующие песню, актуализируются в сюжете романа: вынужденные в течение шести недель бороться с внешними силами (природными условиями, болезнями, последствиями революций 1917-го и Гражданской войны 1917–1922 годов) и внутренними проблемами, герои в духовно-нравственном отношении взрослеют.

И хотя дети предстают как непосредственный адресат колыбельной в тех эпизодах, когда реализуется прагматическая функция песни (убаюкать ребенка) или когда они называют себя Искандерами, ориентация на взрослых все же преобладает. Так, Деев может считаться воплощением песенного Искандера: герой, спасая пятьсот сирот от голода, смерти и всеобщей разрухи, проходит традиционно «мужские» испытания на храбрость, отвагу, силу и ловкость. На это указывают многочисленные эпизоды-встречи с «врагами» — с командиром полка, чекистами, работниками сыпного пункта, белоказаками, басмачами. Слушателем колыбельной оказывается и старик Буг, однако его образ можно охарактеризовать как «повзрослевший Искандер»: фельдшер появляется в романе уже прошедшим эволюцию. Точкой соприкосновения песенного и романного образов становится потребность в гуманном отношении к человеку. Концентрацией такого отношения является материнская любовь, пронизывающая все строки песни и воплощенная в образе социальной сестры Фатимы.

¹ Гузель Яхина: «Эшелон на Самарканд» написан в жанре «красный истерн», чтобы читатель не испугался // ОТР: сайт. См.: <https://otr-online.ru/programmy/gamburgskii-schet/anons-guzel-yahina-eshelon-na-samarkand-napisan-v-zhanre-krasnyy-istern-chtoby-chitatel-ne-ispugalsya-49377.html> (дата обращения — 13.05.2023).

Можно сказать, что колыбельная песня «Спи, мой мальчик...», не имеющая аналогов в фольклоре и литературе, становится способом самовыражения для героини. В художественный текст Фатима Сулейманова вкладывает всю заботу и ласку, распространяющуюся не только на единственного умершего сына Искандера, но и на всех «сыновей».

Итак, текст в тексте в творчестве Яхиной за счет своей лаконичности и иносказательности резюмирует суть жизненного пути персонажей романа. Так, в сказке о Семруге проецируется переселение раскулаченных в Сибирь, сказки Баха акцентируют внимание читателя на переломных моментах частной (Клары и Баха) и общей (вынужденных немецких переселенцев в СССР) судеб героев романа, а исполнение колыбельной сопровождает эволюцию центральных персонажей.

На эту же задачу работают хронотопические переключки вставного и основного текстов. Укажем ключевые координаты сказочного (песенного) и романного миров.

Несмотря на типично сказочную условность, мир «легенды» о Семруге имеет границы (семь Долин) и две плоскости измерения. Первая плоскость — вертикаль — воплощена в образе горы и неба, находящегося над «бескрайней водной гладью» (I, 402) в Долине Отрешения. Напротив, горизонталь топоса формируют указанная водная гладь (в романе — р. Ангара), как и горная тропа с Долинами Исканий, Любви, Познания, Безразличия, Единения, Смятений и Отрешения, последняя из которых граничит со Страной Вечности, «куда нет входа живым» (I, 402). Хронотоп дороги в романе «Зулейха...» определяет обе плоскости: горизонталь выстраивается по пути следования раскулаченных (от Казани до сибирского поселения), вертикаль видится в переносном смысле: Зулейха, ее сын Юзуф, командир Игнатов, доктор Лейбе, агроном Константин Арнольдович, художник Иконников и др., с достоинством преодолевая трудности, развиваются духовно, становятся сильнее и мудрее, тем самым приближаясь к «свету» шах-птицы Семруга.

Интересно наблюдение Д. А. Щукиной об архетипической символике горы, которая, в соответствии с мифом, находится в сакральном центре пространства и времени:

...И жила та птица на вершине самой высокой горы.
— Выше, чем наш утес?
— Много выше, Юзуф. Настолько, что ни пешие, ни конные путники не могли достичь ее вершины, сколько бы ни поднимались. (I, 399)

Те же характеристики применимы и к поселку Семрук, расположенному вдали от цивилизации и окруженному непроходимой сибирской тайгой и мощной р. Ангарой, поглотившей остальных переселенцев.¹

Очевидно созвучие в «Детях моих» волшебной земли «Сказки о Деве-Узнице» и хутора Удо Гримма, условного пейзажа других сказок Баха и описываемого в романе Гнаденталя.

Под «краем изумрудных лугов и золотых пшеничных полей <...> цветущей землей» (II, 205) подразумевается Советский Союз, под «высоким обрывом» (II, 205) — правый берег «могучей реки» (II, 205) Волги, который описывается следующим образом: «Берега почти не было: каменная стена уходила высоко вверх, куда-то под небеса, и заканчивалась там обрывом» (II, 33). Сравнение «хозяйский дом кораблем плыл по поляне» (II, 34), образное преувеличение «ограды у хутора не было — границей служили края поляны» (II, 34) перекликаются со сказочным локусом королевского замка. Заточение Девы в «самую высокую башню замка» (II, 206) напоминает отшельническое существование Клары на хуторе и, как в случае с перегородкой на уроках немецкой словесности, становится преградой на пути к воссоединению принцессы и учителя. Яблоневый сад, город, рыночная площадь — все перечисленные локусы определяют пространство как сказки, так и романа.

Так как лишь «Сказка о Деве-Узнице» представлена в романе целиком, можно только предположить специфику хронотопа других произведений Якоба Баха. Тоже условные, пространство и время связаны с жизнью в Гнадентале: упоминаются край спасителя девы, прекрасная страна, замок,

¹ Щукина Д. А. Фольклорно-мифологическая основа прозы Гузель Яхиной // Мир русского слова. 2020. № 3. С. 70.

царствие, дорога, бескрайние поля (II, 297–300), при этом привязки к конкретному периоду нет, за счет чего создается эффект мифологического «времени до времени».

Космический, универсальный мир колыбельной в «Эшелоне на Самарканд» создают «дороги», «звезды», «солнце», «морское дно». Выделяется в этом пространстве «мужской» мир, маркерами которого являются «конь», «тетива», «враги», «народы», «сапоги»: эти понятия создают у адресата (будь то герой романа или его читатель) архетипичный, в определении В. В. Головина, образ мужчины-воина, чьи честь и достоинство подтверждаются в бою.¹ Отметим, что четкой связи между метрической организацией и смыслом колыбельной нет: размер текста сложный, сочетает в себе четырех-, пяти-, шести- и семистопные строки, хорей и ямб.

Тожественная картина мира предстает в основном тексте «Эшелона на Самарканд». Характерный для романа-travelога хронотоп пути организует сюжет и композицию произведения: развитие действия связано с путешествием эшелона в «хлебный Туркестан», а подзаголовки глав отражают точки маршрута («Казань», «Свияжск — Урмары», «Оренбург — Аральск», «Казалинск–Арысь» и др.). При этом изображается преимущественно «мужское» пространство: Деев встречается с солдатами и белоказаками, готовится к бою с чекистами и басмачами. В напряженной схватке с работниками сыпного пункта Деев и Буг, рискуя жизнью, проявляют себя как настоящие мужчины: смелые, целеустремленные, сильные, готовые биться с Железной рукой ради спасения сирот от голода. Так, можно вслед за А. Н. Набиуллиной² и Э. Ф. Нагумановой³ говорить об идентифицирующей функции хронотопа

¹ Головин В. В., Николаев О. Р. «Узелковое письмо» фольклоризма: прагматика литературно-фольклорного взаимодействия в русских литературных текстах Нового времени // Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов: сб. научных статей. М., 2013. С. 40.

² Набиуллина А. Н. Пространственно-временные образы и мотивы в романах Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 34 (3). С. 32–37.

³ Нагуманова Э. Ф. Хронотоп пути в романе Гузель Яхиной «Эшелон на Самарканд» // Слово. Словесность. Словесник: мат. междунаrodn. научно-практ. конф. преподавателей и студентов, посвященной Году народного

пути в прозе Яхиной: пространственные образы в основном и вставном текстах не только моделируют мир, определяют место лирического «события», но и вовлекаются в процесс самоидентификации Искандера (Деева, Буга).

Подводя итоги, следует сказать: на уровне хронотопа вставной текст в романах Яхиной позволяет за конкретным содержанием романа увидеть универсальный смысл. В сказках Зулейхи и Баха, песне Фатимы лишь обозначаются основные временные и пространственные показатели, однако «называются» они только в основном повествовании о переселении раскулаченных в Сибирь и жизни там, о судьбе немецких колонистов и о путешествии эшелона в Самарканд.

Итак, текст в тексте в творчестве Яхиной выполняет прогностическую функцию, на что указывают многочисленные сюжетные, образные и хронотопические переключки между сказками, колыбельной песней и соответствующими романами. Учитывая воспитательное значение взятых за основу фольклорных жанров: сказки о животных (в «Зулейхе...»), волшебной и социально-бытовой сказок (в «Детях моих»), колыбельной песни («в Эшелоне...»), — писательница моделирует традиционную ситуацию, при которой взрослый передает младшему поколению накопленный жизненный опыт. Закономерно, что вставные тексты обладают прогностическим смыслом: заключая в себе народную мудрость, они могут предсказывать развитие событий. Так, в сказке о Семруге (роман «Зулейха...») проецируется переселение раскулаченных в Сибирь, сказки Баха (роман «Дети мои») акцентируют внимание читателя на переломных моментах частной и общей судеб героев романа, а исполнение колыбельной (в «Эшелоне...») сопровождает эволюцию центральных персонажей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Геращенко А. М.* Вставные тексты в британской и американской литературе XIX–XX веков // *Филология и человек.* 2009. № 2. С. 168–174.
2. *Головин В. В., Николаев О. Р.* «Узелковое письмо» фольклоризма: прагматика литературно-фольклорного взаимодействия в русских литературных текстах Нового времени // *Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов: сб. научных статей.* М., 2013. С. 16–54.
3. *Гузель Яхина: «Эшелон на Самарканд»* написан в жанре «красный истерн», чтобы читатель не испугался // *ОТР: сайт.* См.: <https://otr-online.ru/programmy/gamburgskii-schet/anons-guzel-yahina-eshelon-na-samarkand-napisan-v-zhanre-krasnyy-istern-chtoby-chitatel-ne-ispugalsya-49377.html> (дата обращения 13.05.2023).
4. *Лисенкова О. А.* Мифическое и профанное время в романе «Дети мои» Гузели Яхиной // *Парадигмы культурной памяти и константы национальной идентичности: колл. монография.* 2020. С. 385–394.
5. *Ломыкина Н.* «Дети мои» Гузель Яхиной и немецкие сказки // *Рамблер: сайт.* См.: <https://kino.rambler.ru/other/39790004-dnevnik-chitatelya-deti-moi-guzel-yahinoy-i-nemetskie-skazki/> (дата обращения 12.02.2022).
6. *Мешкова О. В.* Сказка vs действительность в повести Ч. Айтматова «Белый пароход» и в романе Г. Яхиной «Дети мои» // *Вестник гуманитарного образования.* 2022. № 1 (25). С. 130–139.
7. *Набиуллина А. Н.* Пространственно-временные образы и мотивы в романах Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои» // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики.* 2019. № 34 (3). С. 32–37.
8. *Нагуманова Э. Ф.* Хронотоп пути в романе Гузель Яхиной «Эшелон на Самарканд» // *Слово. Словесность. Словесник: мат. международной научно-практ. конф. преподавателей и студентов, посвященной Году народного искусства и нематериального культурного наследия народов России.* 2022. Вып. 8. С. 207–210.
9. *Николина Н. А.* Композиция произведения. Архитектоника текста // *Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений.* М., 2003. С. 45–52.
10. *Шпак Э. Р.* Идеино-художественное своеобразие сказок в романе Гузель Яхиной «Дети мои» // *Гуманитарные исследования молодых ученых Южного Урала : Научный ежегодник по мат. конф.* 2023. Вып. 6. С. 100–103.
11. *Щужкина Д. А.* Фольклорно-мифологическая основа прозы Гузель Яхиной // *Мир русского слова.* 2020. № 3. С. 67–71.

REFERENCES

1. *Gerashchenko A. M.* Vstavnye teksty v britanskoj i amerikanskoj literature XIX–XX vekov // *Filologiya i chelovek.* 2009. № 2. S. 168–174. (In Russ.)
2. *Golovin V. V., Nikolaev O. R.* «Uzelkovoe pis'mo» fol'klorizma: pragmatika literaturno-fol'klornogo vzaimodejstviya v russkih literaturnyh tekstah Novogo vremeni // *Navstrechu Tret'emu Vserossijskomu kongressu fol'kloristov* : sb. nauchnyh statej. M., 2013. S. 16–54. (In Russ.)
3. *Guzel' Yahina*: «Eshelon na Samarkand» napisan v zhanre «krasnyj istern», chtoby chitatel' ne ispugalsya // *OTR: sayt.* Sm.: <https://otr-online.ru/programmy/gamburgskii-schet/anons-guzel-yahina-eshelon-na-samarkand-napisan-v-zhanre-krasnyj-istern-chtoby-chitatel-ne-ispugalsya-49377.html> (data obrashcheniya 13.05.2023). (In Russ.)
4. *Lisenkova O. A.* Mificheskoe i profannoje vremya v romane «Deti moi» Guzeli Yahinoj // *Paradigmy kul'turnoj pamyati i konstanty natsional'noj identichnosti*: koll. monografiya. 2020. S. 385–394. (In Russ.)
5. *Lomykina N.* «Deti moi» Guzel' Yahinoj i nemetskie skazki // *Rambler: sayt.* Sm.: <https://kino.rambler.ru/other/39790004-dnevnik-chitatelja-deti-moi-guzel-yahinoy-i-nemetskie-skazki/> (data obrashcheniya 12.02.2022). (In Russ.)
6. *Meshkova O. V.* Skazka vs dejstvitel'nost' v povesti CH. Ajtmatova «Belyj parohod» i v romane G. Yahinoj, «Deti moi» // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya.* 2022. № 1 (25). S. 130–139. (In Russ.)
7. *Nabiullina A. N.* Prostranstvenno-vremennye obrazy i motivy v romanah G. Yahinoj «Zulejha otkryvaet glaza» i «Deti moi» // *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki.* 2019. № 34 (3). S. 32–37. (In Russ.)
8. *Nagumanova E. F.* Hronotop puti v romane Guzel' Yahinoj «Eshelon na Samarkand» // *Slovo. Slovesnost'. Slovesnik* : mat. Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf. prepodavatelej i studentov, posvyashchennoj Godu narodnogo iskusstva i nematerial'nogo kul'turnogo naslediya narodov Rossii. 2022. Vyp. 8. S. 207–210. (In Russ.)
9. *Nikolina N. A.* Kompozitsiya proizvedeniya. Arhitektonika teksta // *Filologicheskij analiz teksta* : ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij. M., 2003. S. 45–52. (In Russ.)
10. *Shpak E. R.* Idejno-hudozhestvennoe svoeobrazie skazok v romane Guzel' Yahinoj «Deti moi» // *Gumanitarnye issledovaniya molodyh uchenyh Yuzhnogo Urala*: Nauchnyj ezhegodnik po mat. konf. 2023. Vyp. 6. S. 100–103. (In Russ.)
11. *Shchukina D. A.* Fol'klorno-mifologicheskaya osnova prozy Guzel' Yahinoj // *Mir russkogo slova.* 2020. № 3. S. 67–71. (In Russ.)